

1776-й и 1917-й: АМЕРИКАНСКАЯ И РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

© 2017 г. **В.В. Согрин***

Статья поступила в редакцию 13.04.2017.

Рассмотрено в сравнительном ключе всемирно-историческое значение и влияние Американской революции 1776 года и Российской революции 1917 года. Выявлены этапы их соперничества, его исход и перспектива исторического наследия. Обеим революциям был присущ мессианизм. Соперничество либеральной и коммунистической революций совершалось с переменным успехом и завершилось с окончанием холодной войны в пользу либерализма. Но влияние социализма не исчерпано. Оно сохраняется в Латинской Америке, в Азии, в самой России. Главная причина этого – усиление вследствие глобализации либерального капитализма социальных контрастов и неравенства в распределении богатств между меньшинством и большинством населения планеты.

Ключевые слова: революция 1776 года в США, революция 1917 года в России, либерализм и социализм, историческое соперничество.

Президент США Джон Кеннеди в инаугурационной речи 20 января 1961 г. объявил свою страну родоначальницей подлинной революции, а современные Соединённые Штаты – её наследницей: "...на всём земном шаре по-прежнему актуальна та революционная вера, за которую сражались наши отцы, – вера в то, что права даруются человеку не щедротами государства, но Божьей дланью... Сегодня нам нельзя забывать, что мы – наследники той первой революции... Тем новым государствам, которые мы приветствуем в рядах свободных, мы даём слово, что одна форма господства... отброшена не для того, чтобы смениться ещё худшей – железной тиранией" [Инаугурационные речи... 2001: 429–430].

Риторика Кеннеди была ответом на риторику и идеологию Н.С. Хрущёва. Советский лидер утверждал, что СССР в обозримом будущем "догонит и перегонит США", "похоронит капитализм", решительно поддержит национально-освободительные движения в их борьбе с антиреволюционными силами, возглавляемыми американским империализмом.

* СОГРИН Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, председатель Российской ассоциации историков-американистов, главный редактор журнала "Новая и новейшая история", главный редактор "Американского ежегодника". Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский просп., д. 32а (amercenter@mail.ru).

Риторика Кеннеди и Хрущёва отразила магистральную линию холодной войны, но не только. Противоборство ценностей Американской 1776 года и Российской 1917 года революций осуществлялось в длительном глобальном мировом контексте. В этом контексте обе революции имели всемирно-историческое, но разнонаправленное значение и влияние.

Североамериканская революция в Декларации независимости 4 июля 1776 г. провозгласила три основополагающие доктрины Просвещения: равенство естественных прав человека, общественный договор как источник политической власти, право на ниспровержение деспотического правительства. Представители штатов на конвенте в Филадельфии, заседавшем с мая по сентябрь 1787 г., выработали федеральную Конституцию. Она включила: принцип разделения властей и систему сдержек и противовесов; регулярные пере выборы президента, Сената и Палаты представителей Конгресса США; в 1791 г. – Билль о правах.

Американская революция и в период её свершения, и после вызывала восторг поклонников либерализма и демократии. Разные европейские страны, среди них и Россия, реагировали на неё. Восторженным был отклик русских просветителей. Прочитирую строки, обращённые к заокеанской республике, в знаменитой радищевской оде "Вольность" [Радищев, т.1: 14]:

"К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится; гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!..
Того ж, того ж и мы все жаждем..."

Наибольшее влияние революция оказала на Францию. Известный современный французский историк Марк Ферро в переведённой недавно на русский язык фундаментальной "Истории Франции" убедительно показал непосредственное воздействие Американской революции на Великую французскую революцию [Ферро, 2015: 251 и далее], начавшуюся в год избрания первым президентом американской республики Дж. Вашингтона.

Американский историк Р. Палмер был первым, кто обосновывал концепцию Атлантической революции, которая объединяла Американскую и Французскую революции в единую цепочку, главным звеном которой была Американская революция [Palmer, 1959, 1970]. С концепцией Палмера можно спорить, но вряд ли можно отрицать, что именно принципы Американской революции в ходе мировой истории наиболее весомо повлияли на Западную, или Атлантическую, либерально-капиталистическую цивилизацию.

Лидеры Американской революции верили в универсализм её принципов, необходимость и возможность их распространения во всём мире. Известный американский историк Г. Вуд приводит поразительные свидетельства того, что его соотечественники, не только лидеры, но и масса обычных граждан революционной эпохи конца XVIII столетия считали юные США самой просвещённой и "исключительной" страной мирового сообщества [Wood, 2011: 273-290]. Томас Джефферсон, рассуждая в духе Просвещения, мечтал о создании его родиной *империи разума* – особого универсума, обустроенного в соответст-

вии с принципами Ф. Вольтера, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. Во времена отцов-основателей мессианская идея не могла получить практической реализации, поскольку США оставались слабым государством. Уверовав в исключительность своей страны и её избранность для демократической мировой миссии, американцы, их духовные и политические лидеры делали упор на то, что Америка являет собою образец для подражания, подаёт всем другим пример идеального общественно-политического устройства.

Ситуация меняется в следующем столетии. В 1823 г. в послании президента США Дж. Монро национальному Конгрессу вся Америка, включая Северную и Южную, определялась как избранная для воплощения принципов свободы и демократии, а Соединённые Штаты наделялись миссией хранения этих принципов. В 1845 г. во время конфликта с Мексикой, завершившегося войной и присоединением к США в качестве новых штатов мексиканских Техаса, Калифорнии и Нью-Мексико, идеологом правящей тогда Демократической партии была сформулирована одна из самых известных доктрин имперского мессианизма – *предопределение судьбы (Manifest Destiny)*. Подхваченная политической и идеологической элитой нации, она объявляла излишними правовые дискуссии об экспансионистских устремлениях США: "Эти претензии основываются на праве, вытекающем из того, что нам предопределено судьбой распространить своё владычество на весь континент, который дарован нам Провидением для выполнения возложенной на нас Великой Миссии: установить свободу и федеративное самоуправление" [Weinberg, 1935: 145].

Американские политики конца XIX – начала XX века называли свою страну империей, подчёркивая, что, в отличие от всех империй прошлого и настоящего, это исторически оправдано, поскольку США несут народам демократию и либерализм. В периоды следовавших мировых войн, как и холодной войны, американские политики перестали именовать свою страну империей. Но после краха СССР и окончания холодной войны ситуация изменилась. Утвердившиеся на рубеже XX–XXI веков на господствующей идеологической и политической позиции неоконсерваторы объявили, что Соединённые Штаты являются не только единственной сверхдержавой, но и империей, и этим статусом они должны гордиться. Их главный аргумент: американский имперский универсум – *Pax Americana*, в отличие от всех прежних империй, основывается на ценностях либерализма и демократии.

США и Запад прилагали разнообразные усилия для победы над социализмом. Но и СССР, со своей стороны, стремился устранить США и капитализм с исторической арены, также используя для этого самые разные средства. Почему же успеха добились США, а не СССР?

Я исхожу из исторической обусловленности как Февральской, так и Октябрьской революции 1917 года в России.¹ Февраль не смог решить задач, от вечавших чаяниям революционного народа, в первую очередь крестьянства, обратившегося, вопреки позиции Временного правительства, к самочинным

¹ Многие современные историки России рассматривают две революции как одно целое, поскольку Февраль органично сменился Октябрём.

захватам господской земли и присвоившего к кануну Октября 90% дворянских угодий. Октябрь поддержал эту революцию низов. Большевики оказались более восприимчивы к чаяниям народа, чем Временное правительство, и Октябрь вывел революцию на социалистический путь, по которому Россия шла затем на протяжении 74 лет.

После победы большевиков в октябре 1917 г. соперничество либерализма, воплощённого в принципах Американской революции, и социализма, начертанного на знамени Российской революции, переместилось на мировой уровень, стало определяющим трендом мировой истории.

Ленин был убеждён, что социализм сможет восторжествовать, одержав победу во всемирно-историческом масштабе. Путь к ней лежал через мировую коммунистическую революцию. Для реализации этой цели был создан Коммунистический Интернационал, в который вошло множество коммунистических партий, воспринявших ленинскую перспективу как реальность. Была выдвинута концепция: мировой капитализм после 1917 г., ознаменовавшегося возникновением советского социализма, вступил в стадию общего кризиса, который имел тотальный характер и всё более углублялся. Венцом истории объявлялась всемирная смена капитализма социализмом.

Такая перспектива была неприемлема для капиталистической системы, в первую очередь её самых развитых стран, одержавших победу в Первой мировой войне. В этих странах основополагающей идеологией был либерализм, принявший вызов социализма. Его главными выразителями в период Российской революции выступили не Англия и Франция, главные европейские державы, которым принадлежала основная роль в победе над германским блоком, а Соединённые Штаты Америки, которые, вступив в войну в апреле 1917 г., сочли возможным претендовать на место лидера нового мироустройства.

В январе 1919 г. страны-победительницы в Первой мировой войне приступили к подведению её итогов в Париже. Прибывший на конференцию президент США В. Вильсон рассматривал свою страну как внесшую решающий вклад в победу, а себя – как главного миротворца, имевшего право определять стратегию и решения форума. Лидеры Англии и Франции с претензиями и стратегическими планами Вильсона были категорически не согласны. Они не приняли притязаний США на гегемонию в послевоенном мире. У США были более сильные экономика и финансы, но у двух главных стран Антанты было преимущество как в сухопутных (у обеих), так и в военно-морских (у Англии) силах. Выработанная в течение года в Париже Версальская система международных отношений отвечала, в первую очередь, их замыслам.

Самый чувствительный удар Вильсон получил в дискуссиях вокруг Лиги Наций. Идея Лиги Наций была для американского президента излюбленной – именно в ней он видел точку опоры, с помощью которой надеялся перевернуть систему международных отношений; при этом лидерство США в Лиге считалось само собой разумеющимся.

Вступление Соединённых Штатов в Лигу отказался поддержать Сенат, согласие которого было необходимо в соответствии с Конституцией США. Лейтмотивом для главных оппонентов Вильсона – лидеров Республиканской пар-

тии – служила *realpolitik* (реальная политика). Они были, в отличие от Вильсона, убеждены, что у США нет достаточных военно-политических ресурсов, чтобы играть главную роль в Лиге Наций. Соединённые Штаты, по их убеждению, должны были сохранить "свободу рук", чтобы адекватно защищать свои интересы на мировой арене.

В 1919–1920 гг. "идеалистическая" программа Вильсона была отклонена в самих США, где верх взяли реалисты – изоляционисты, признавшие стратегию Вильсона утопичной. Но последующее историческое развитие, особенно после Второй мировой войны, во всё нарастающей мере закрепляло господствующую позицию за вильсонизмом, обращая так или иначе в его сторонников даже формальных оппонентов.

В глазах американской власти Советская Россия была идеологическим врагом номер один. Но это не даёт оснований для вывода о возникновении уже в тот период холодной войны, как это делают некоторые американские авторы. СССР не был тогда сверхдержавой, каковой оказался в результате Второй мировой войны. После неё СССР и США стали вершителями мировой политики, между которыми началось острое соперничество и реальная холодная война. Противоборство советского социализма его начального периода и капиталистической цивилизации определялось не конфликтом СССР и США, главными оппонентами советского социализма выступили Великобритания и Франция.

В 1920 г. на II Конгрессе Коммунистический Интернационал ориентировал все коммунистические партии на установление в их странах диктатуры пролетариата и советской власти. Вторым после России "слабым звеном" капитализма была избрана Германия, в конце 1918 г. сдавшаяся Антанте. В Германии началась революция, и Советская Россия приложила усилия, включая материальную поддержку, чтобы германская революция повторила её пример. Однако левые радикалы, следовавшие русскому образцу, были подавлены. В 1919 г. была подавлена социалистическая революция в Венгрии. В следующем году поражением завершилась попытка распространения советской власти на Польшу.

Ведущие европейские страны, Великобритания и Франция, отвечали Советской России жёсткими контрмерами, оказывали поддержку Польше, Латвии, Эстонии, Литве, Финляндии, выстраивая из них, как и из других "малых" стран, окружавших советскую республику, защитный "санитарный" кордон.

Рубеж 1920–1930-х годов ознаменовался радикальным изменением как расстановки сил на мировой арене, так и тенденций советского социализма. Советский Союз приступил к осуществлению индустриализации экономики, добившись успехов. В то же время Запад в 1929–1933 гг. погрузился в самый тяжёлый в своей истории экономический кризис, сопровождавшийся социально-политической дестабилизацией. Главным политическим следствием кризиса в Европе был подъём правого радикализма, высшей точкой которого стал приход к власти в Германии фашизма. Вследствие таких пертурбаций прежний основополагающий конфликт социализма и капитализма уступил место конфликту трёх противоборствующих сил – социализма, либерализма, фашизма.

Главным мотивом каждой из трёх сил являлась победа над двумя другими силами. Для достижения этой цели использовались любые средства, перед которыми отступали мораль и нравственность, свершались фантастические политические кульбиты. Либерализм вдруг проявлял готовность к альянсу с социализмом против фашизма, но одновременно вынашивал идею направить удар фашизма против социализма. Социализм "усмирил" идею мировой коммунистической революции и протягивал руку не только социал-демократам, но и либералам в целях создания в капиталистических странах антифашистских "народных фронтов". Но он никогда не доверял либералам, вполне осознавая их желание направить удар фашизма против социализма, и в "час икс" был готов на согласие с фашизмом, если тот перенаправит свой главный удар против либерализма. Фашизм вёл, со своей стороны, дьявольскую игру с обеими этими силами.

Одной из главных политических сенсаций 1930-х годов можно признать фантастический кульбит советско-американских отношений – смену в них знака минус на знак плюс. Феномен советско-американских отношений этого периода объясняется конкретно-историческими реалиями 1930-х годов и личной позицией Ф. Рузвельта, занявшего пост президента США одновременно с приходом в начале 1933 г. к власти в Германии Гитлера и нацистской партии. Ф. Рузвельт практически сразу после вступления в президентскую должность поставил задачу незамедлительного признания Советского Союза. Одна из причин – возможность смягчить при помощи СССР, твёрдо и успешно вставшего на путь индустриализации, экономические проблемы США. Другая основополагающая конкретно-историческая причина была внешнеполитической. В ходе переговоров в ноябре 1933 г. с советской стороны американские переговорщики указали на наличие "двух главных источников военной опасности" для мира и ясно дали понять, что в американских глазах таковыми являются Германия и Япония [Москва – Вашингтон... т. 3: 30, 33]. Это совпадало с советской оценкой. Переговоры о признании СССР были проведены в течение двух недель, а дипломатические отношения установлены 16 ноября 1933 года.

В своей внутренней политике Рузвельт последовательно проводил курс, выступавший исторической альтернативой как германскому фашизму, так и советскому социализму. И в теории, и, главное, на практике он осуществил перестройку либерализма, преобразовав его в *социальный либерализм*. В исторической ретроспективе достижением предстаёт выдвинутая Рузвельтом и настойчиво воплощавшаяся в жизнь концепция "заправки насоса" – расширения покупательной способности основных слоёв общества как фундаментального механизма борьбы с перепроизводством и экономическими кризисами. К достижениям необходимо отнести законы, позволившие нижним социальным классам и группам резко расширить возможности участия в распределении национального богатства. Со времен Рузвельта одобренная им социально-экономическая модель стала основополагающей альтернативой советскому социализму в либеральных капиталистических странах в целом.

История распорядилась так, что со второй половины 1941 г. реальный социализм и либеральный капитализм вступили в альянс против тоталитарно-

го капитализма. Это был вынужденный и с точки зрения исторической обусловленности временный альянс, которому суждено было распасться после победы над фашизмом. Победа была достигнута, альянс распался и перерос в холодную войну СССР и США – двух главных союзников по антигитлеровской коалиции. В ходе Второй мировой войны произошли радикальные геополитические пертурбации, главная среди которых, с точки зрения соперничества социализма и капитализма, заключалась в том, что социалистический Советский Союз утвердился на позиции мировой сверхдержавы, а второй такой сверхдержавой стали либерально-капиталистические Соединённые Штаты.

Хотя автором идеологии и концепции "Американского века", означающего мировое обустройство под эгидой США, традиционно считается газетный магнат Г. Люс, опубликовавший в феврале 1941 г. статью "Американский век", а затем одноименную брошюру [Luce, 1941], её активно разрабатывали многие американские "интернационалисты". В американском руководстве главным вдохновителем концепции был сам Рузвельт. Создаётся впечатление, что Рузвельт до конца дней верил в возможность изыскивать средства включения СССР в мировой порядок по-американски.

Объективное основание стратегии Рузвельта заключалось в том, что в годы войны США совершили мощный рывок к доминированию в мировой экономике. Их удельный вес в мировой экономике вырос с довоенных 20% до более чем 50%. Но экономическое доминирование выражалось не только в этих цифрах. На завершающем этапе войны США создали международные институты экономической гегемонии. В середине 1944 г. в американском городке Бреттон-Вудс был учреждён Международный банк реконструкции и развития (МБРР), активы которого практически полностью принадлежали Соединённым Штатам. В то же время и в том же месте был создан Международный валютный фонд (МВФ). В обоих международных финансовых центрах большинство постов принадлежали американцам. Политическому гроссмейстеру Рузвельту казалось, что, взаимодействуя со Сталиным в "лайковых перчатках", используя экономическую зависимость Москвы от Вашингтона и обладая "сухим порохом" ядерного оружия, он сможет управляться со второй мировой сверхдержавой.

Сомнительно, чтобы "фактор Рузвельта" принципиально повлиял на Сталина в послевоенном обустройстве Европы и мира. Но смерть Рузвельта 12 апреля 1945 г. оказала воздействие на отношения СССР и США. Сменивший Ф. Рузвельта на президентском посту Г. Трумэн не был политическим гроссмейстером, а тем более уровня Рузвельта. Он с самого начала выказал намерение полагаться на силу.

Холодная война была предопределена внутренними свойствами двух главных союзников антигитлеровской коалиции – США и СССР. Оба нацелились бороться за мировое лидерство. Холодная война продолжалась до 1991 г., соотношение сил соперников в ходе неё менялось. Советский лидер И.В. Сталин руководствовался разными соображениями, а одним из главных было – вслед за освобождением восточноевропейских стран – установление и укрепление режимов "народной демократии" и сплочение стран с таким режимом в еди-

ный лагерь. Соединённые Штаты действовали на оккупированных территориях по схожей логике. Они с самого начала обладали серьёзными экономическими и политическими преимуществами перед реальным социализмом, которые с течением времени упрочивались. В сферу влияния США вошли побеждённые капиталистические страны, в первую очередь Западная Германия, Италия, Япония, которые интегрировали американские ценности. Монопольное обладание Вашингтоном ядерным оружием в начале холодной войны было важной причиной жёсткой позиции в отношении СССР.

Американская внешнеполитическая традиция, заложенная Дж. Вашингтоном, накладывала табу на военно-политические союзы с европейскими странами в мирное время. Г. Трумэн летом 1948 г., давая согласие баллотироваться на новых президентских выборах, твёрдо заявил, что возвращение к изоляционизму 1920–1930-х годов невозможно и что для победы американского внешнеполитического "интернационализма" нужна двухпартийная поддержка. Для республиканцев, которые были оплотом изоляционизма, а в 1946 г. впервые за 14 лет получили большинство в Сенате, наступил "момент истины". А. Вандерберг, до того яростный лидер изоляционизма, предложил резолюцию, одобрявшую вхождение в "региональное или другое коллективное установление" [Encyclopedia... 1976: 470]. 11 июня 1948 г. резолюция была поддержана Сенатом США. Это означало крах изоляционизма, бесповоротное утверждение глобализма в качестве основополагающей внешнеполитической доктрины США и санкционировало создание атлантического американо-европейского военно-политического блока.

Ареалом соперничества США и СССР стал также Дальний Восток. 1 октября 1949 г. в Пекине было объявлено о создании Китайской Народной Республики во главе с Мао Цзэдуном и Компартией. 14 февраля 1950 г. между КНР и СССР был заключён Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Чан Кайши и Гоминьдан, поддерживаемые США, отступили на Тайвань. На позицию Вашингтона не могло не повлиять известие о том, что СССР в сентябре 1949 г. успешно испытал атомную бомбу. Это был крупный успех мировой коммунистической революции на том этапе противоборства социализма и капитализма.

Республиканцы, пришедшие к власти в результате выборов 1952 г., решили изменить тенденцию. Свою роль сыграл президент Д. Эйзенхауэр, но наиболее весомо влиял на ужесточение позиции США государственный секретарь Дж. Даллес. Радикальная стратегия Даллеса была поименована "балансированием на грани войны". США присягнули концепции "отбрасывания коммунизма". В ответ на установление коммунистического режима в Северном Вьетнаме США заявили, что, если этому процессу решительно не воспрепятствовать, сработает *эффект домино* – коммунисты поработят Индокитай, Бирму, Таиланд, Индонезию. Ещё в 1951–1953 гг. США отождествили с "коммунистической угрозой" деятельность иранского радикально-националистического политика М. Моссадыка. Конгресс США выделил 10 млн долл., потраченных на оплату уличных протестов против "левого" иранского премьера. Моссадык был свергнут в 1953 году.

После завершения войны 1956 г. в Египте и вследствие укрепления в регионе влияния СССР американские внешнеполитические аналитики продумали план "сдерживания коммунизма" на Ближнем и Среднем Востоке. Объектом первого практического применения политики "сдерживания" стала Иордания. Не успела стихнуть политическая буря в Иордании, как ещё более серьёзная ситуация сложилась в Сирии. Пришедшая там к власти Партия арабского социалистического возрождения (Баас) разорвала дипломатические отношения с Францией и Великобританией, а в августе 1957 г. заключила соглашение с Москвой о поставках в Сирию советского оружия. Госдепартамент США отреагировал тем заключением, что Сирия превращается в базу распространения "советского коммунистического доминирования". В 1958 г. баасистская революция произошла в Ираке, где была провозглашена республика с радикальной националистической программой. В основе арабских революций лежал радикальный антиколониальный национализм.

В период президентства Эйзенхауэра США понесли первые серьёзные потери в своей исторической "вотчине" – Латинской Америке. В 1950 г. президентом небольшой Гватемалы был избран Х. Арбенс, выдвинувший программу широкой национализации иностранной собственности, в том числе североамериканской "Юнайтед фрут компани". В мае 1954 г. правительство Арбенса закупило партию оружия у социалистической Чехословакии. Эйзенхауэр счёл это достаточным для указания ЦРУ устранить левое гватемальское правительство. Президент США высказал мнение, что "угроза коммунизма в Латинской Америке сильна как никогда". Данная оценка была распространена и на антидиктаторскую революцию на Кубе, одержавшую победу в 1958–1959 гг. Вскоре выяснилось, что Ф. Кастро, как и Х. Арбенс, был твёрдо намерен осуществить массовую экспроприацию американской собственности. В марте 1960 г. Эйзенхауэр одобрил план ЦРУ по свержению правительства Кастро.

Развитие событий на Ближнем и Среднем Востоке, как и в Латинской Америке, свидетельствовало о формировании в мире мощной "третьей силы", порождённой объективными внутренними запросами каждой из подключавшихся к ней стран. Практически во всех случаях радикальные политики, приходившие к власти в этих странах, отражали чаянья широких народных масс. США не смогли признать это и подчас собственными руками подталкивали радикалов к альянсу с СССР. Но СССР допускал собственные ошибки. Как и США, он руководствовался чёрно-белым видением происходившей в мире политической дифференциации и стремился включить страны, выпавшие из сферы влияния США, в лагерь социализма. Энтузиазм советского руководства особенно укрепился в 1960 г., когда независимость обрели сразу 17 африканских колоний.

США пытались закрепить свои позиции с помощью военно-политических блоков и в их строительстве намного превзошли СССР. У Москвы их на "периферии" не было вообще. Но это превосходство США не подкреплялось в 1960–1970-е годы перераспределением в их пользу "спорных" стран и территорий. Вашингтон рассматривал антиамериканский выбор любой страны как результат "происков" Москвы. "Знаковыми" стали события в Доминиканской

Республике. В январе 1963 г. её президентом стал Х. Бош, лидер национал-реформистской Доминиканской революционной партии. Очень скоро его реформаторский курс стал радикализироваться, представив опасность для национальной олигархии. 25 сентября в результате путча правых Бош был свергнут. Началась гражданская война, а в апреле 1965 г. была свергнута уже военная хунта. Президент США Л. Джонсон решительно выступил на стороне доминиканских правых. Им была обнародована "доктрина Джонсона", которая провозгласила "право США на вооружённое вмешательство в любой стране Западного полушария с целью помешать установлению коммунистического правительства". Доктрина была поддержана Конгрессом США, и американские войска в количестве 30 тыс. человек подавили "доминиканскую весну".

Катастрофа ожидала США в борьбе за расширение сферы влияния в Юго-Восточной Азии. После предоставления в 1954 г. независимости Вьетнаму он разделился на два государства – северное и южное. Север оказался во власти коммунистов, а Юг – проамериканских сил. Администрация Эйзенхауэра, вооружившаяся доктриной "домино", последовательно помогала южновьетнамскому диктатору Нго Дин Дьему, а конечную цель видела в воссоединении Вьетнама по американскому сценарию. Президент Дж. Кеннеди унаследовал подход Д. Эйзенхауэра. Л. Джонсон продолжил вьетнамскую политику Дж. Кеннеди. Решающее значение в поражении США имела мощная атака Вьетконга в ночь с 30 на 31 января 1968 г. (наступление вьетнамского Нового года) на крупнейшие города Южного Вьетнама. После этого в телевизионном обращении к нации Л. Джонсон объявил о прекращении бомбардировок Северного Вьетнама и о своём отказе баллотироваться на новый президентский срок.

В 1960-е годы США понесли серьёзные потери в Юго-Восточной Азии, сдали позиции на Ближнем Востоке и даже в Латинской Америке. В количественном отношении холодная война развивалась с преимуществом для советского социализма. Но все страны, перешедшие на его сторону, были бедными или нищими (Вьетнам, Куба, Никарагуа, Ангола, Мозамбик, Эфиопия). Позиции США оставались незыблемыми в самых развитых странах мира, которые, согласно теории К. Маркса, и должны были первоначально перейти к коммунизму. Но эти страны в реалиях XX века отвечали на вызовы Российской революции 1917 года и СССР социализацией капитализма. Огромную роль в этом играла социал-демократия, а в США – Демократическая партия. В странах проамериканской ориентации либерально-демократические режимы упрочились, их развитие ознаменовалось серьёзными экономическими успехами. Развивалось *социальное государство*, поименованное вначале "государством всеобщего благоденствия".

В то же время социально-экономические показатели реального социализма 1960-х годов всё более проигрывали западным странам. В начале десятилетия Н.С. Хрущёв выдвинул задачу "догнать и перегнать США" по всем этим показателям. Была принята программа полной победы коммунизма в СССР в 1980 г., но уже 1960-е годы обнаружили её утопизм. В мирном соревновании с Западом советский социализм терпел поражение. Технологическое и экономическое отставание реального социализма от западных стран

углублялось. Огромную часть своих ресурсов он тратил на вооружение, как и на помощь растущему количеству бедных стран, вставших, как утверждали руководители КПСС, на путь построения социализма в Азии, Латинской Америке, Африке.

С 1976 г., после того как кандидат от Демократической партии США Дж. Картер одержал победу на президентских выборах, отношения с СССР приобретали всё более напряжённый характер. В ответ на ввод советских войск в 1979 г. в Афганистан администрация США приняла серию мер по "наказанию" Москвы. Зб. Бжезинский, советник президента по национальной безопасности, считающийся главным разработчиком "доктрины Картера", предпринял необходимые меры для организации антисоветской оси США – Пакистан – афганская оппозиция, приступившей к активному вооружённому сопротивлению советским войскам. Большинство мусульманских стран, как и нейтральных государств, включая Китай, отнеслись к вторжению СССР в Афганистан негативно, и у США возникла возможность спланировать против СССР не только своих союзников, но и многие другие государства, в первую очередь исламские.

"Крестовый поход" США во главе с президентом Р. Рейганом против СССР ознаменовал начало завершающего (1981–1991) этапа холодной войны либерального капитализма и социализма. К президентским выборам 1980 г., принесшим победу Рейгану, "вьетнамский синдром" в США ослаб, а национальный архетип мессианизма реанимировался. Сверхзадача Рейгана была имперской: перейти в решительное наступление на СССР и мировой коммунизм, переломить соотношение ядерных сил и территориальное соперничество в пользу США, утвердить их в качестве единственного гегемона миропорядка.

На развитие соперничества США и СССР оказал влияние приход к власти в СССР в марте 1985 г. М.С. Горбачёва. Новый генеральный секретарь ЦК КПСС предложил радикальную перестройку как внутренней, так и внешней политики СССР. Внешнеполитическая перестройка, включавшая отказ от классового подхода и восприятие "общечеловеческих ценностей", означала признание чрезмерного "перенапряжения" СССР в ядерном и глобальном соперничестве с США, готовность идти на компромиссы и уступки для того, чтобы высвободить ресурсы, необходимые для вывода реального социализма из глубокого экономического кризиса. Рейган, приняв вызов Горбачёва, начал вырабатывать собственные правила "игры" в перестройке мировой политики.

Как и Хрущёв, Горбачёв видел историческую сверхзадачу в том, чтобы "догнать и перегнать Америку" на основе социалистической модернизации. К концу 1987 г. выяснилось, что реформы не дают ожидаемых результатов. Тогда была выдвинута цель создания обновлённой модели социализма, основой которой объявлялись политическая демократизация и социалистический рынок. Запущенная Горбачёвым демократизация, включившая классические западные образцы, обернулась против него. Силу стала набирать либерально-радикальная оппозиция, которую активно поддерживала разочаровавшаяся в возможности улучшения социализма часть масс. Б.Н. Ельцин, бывший высокопоставленный

коммунист, а теперь лидер прозападной антикоммунистической оппозиции, одержал победу на президентских выборах в России в июне 1991 года.

"Перестройка" мировой политики 1985–1991 гг. ознаменовала завершение холодной войны. Оно оказалось возможным в результате компромиссов и уступок, главным образом со стороны СССР, что имело следствием утверждение США в качестве единственной сверхдержавы. Восточноевропейские союзники СССР, как выявил ход исторических событий, тяготились включением в социалистический лагерь по итогам Второй мировой войны. Когда во второй половине 1980-х годов горбачёвской перестройкой им была предоставлена возможность свободного выбора между социализмом и либеральным капитализмом, они выбрали последний.

На рубеже 1980–1990-х годов и Р. Рейган, и президент Дж. Буш-старший (1989–1993) оценивали исход холодной войны как успех всего человечества без победителей и проигравших. Но после 1991 г. и краха СССР выяснилось, что такие оценки имели тактический характер и предназначались для того, чтобы не раздражать советского оппонента, но при этом вести с ним "игру" к итоговой выгоде для США. Уже в 1992 г. во время президентской избирательной кампании Дж. Буш-старший предъявил избирателям главную козырную карту Республиканской партии: "Мы одержали победу в холодной войне". Это утверждение стало общим местом в американской внешнеполитической идеологии и убеждением большинства граждан США. Для руководства страны и политического класса в целом отсюда вытекали принципиально важные заключения. Первое состояло в том, что прежний миропорядок, в котором соперничали и делили мир США и СССР, исчез, поэтому необходимо формировать основы нового миропорядка. Следующий постулат – Соединённым Штатам по праву победителя и потому, что они стали единственным мировым лидером, принадлежит руководящая роль в формулировании и выстраивании нового миропорядка.

Претензии США на роль Римской империи периода после холодной войны оборачивались катастрофическими следствиями. Наиболее глубокими они оказались в Ираке, завоёванном США в 2003 г. Серьёзными осложнениями сопровождались отношения США с Латинской Америкой. В период президентской кампании 2000 г. Дж. Буш-младший объявил отношения с Южной Америкой важнейшим приоритетом Республиканской партии. Было проведено множество конференций, двусторонних переговоров с разными странами Латинской Америки, но в конечном итоге, что выяснилось уже в конце первого президентского срока Дж. Буша-младшего, практической реализации плана не получалось. Важным для укрепления независимого экономического и политического курса латиноамериканских стран явилось нараставшее разочарование в неолиберальном *Вашингтонском консенсусе*.² Наличие в странах Латинской Америки политической демократии позволило большинству

² *Вашингтонский консенсус* был предложен латиноамериканским странам Соединёнными Штатами, МВФ и Всемирным банком как единственный безошибочный путь экономического развития. Он включал типичные неолиберальные принципы: минимальный дефицит бюджета, предельно низкие ставки налогов, либерализация финансовых рынков, свободный обменный курс национальной валюты, тотальная приватизация и др.

избирателей привести к власти левые партии. В 1998 г. президентом Венесуэлы был избран У. Чавес (переизбран в 2006 и 2012 гг.). В 2002 г. президентом Бразилии избран лидер Партии трудящихся Л.И. Лула да Силва (переизбран в 2006 г.). В 2003 г. в Аргентине президентом оказался избран Н. Киршнер, левый перонист, лидер "Фронта за победу". В Боливии в 2005 г. президентом был избран лидер партии "Движение к социализму" Э. Моралес. В Уругвае в том же году "левым" президентом был избран Т. Васкес, лидер объединения "Прогрессивная встреча – Широкий фронт". В 2006 г. в Чили президентскую победу одержала социалистка, последовательница С. Альенде, М. Бачелет. В Никарагуа к власти вернулся Д. Ортега. В Перу победил лидер апристской партии, умеренный социалист А. Гарсиа. Умеренный социалист О. Ариас взял верх в Коста-Рике. В Гаити к власти пришёл Р. Преваль, лидер левой партии "Надежда", а в Эквадоре – Р. Корреа, также лидер левого движения.

"Левый" поворот в Латинской Америке сопровождался проблемами и неудачами, и во второй половине 2010-х годов он начал сдавать позиции. Но его опыт, как и опыт других континентов, свидетельствует, что либерально капиталистического "конца истории", о котором объявил американский футуролог Ф. Фукуяма на исходе холодной войны, не наступило и не может наступить. Цивилизационно-культурный плюрализм, обозначившийся в мировом пространстве в ходе и вследствие трансформаций 1980-х годов, это прочный мировой тренд. Неустрашим и конфликт социализма и капитализма. Социализм не может сохраниться в том виде, в котором он реализовался в СССР после 1917 г. Он будет реанимироваться в иных формах, но его ядро – тяга большинства человечества к социальной справедливости, которая была первопричиной Октября 1917 года, перманентна. Об этом свидетельствует и опыт постсоветской России. В 1990-е годы переход России на основе "шоковой терапии" от социализма к капитализму сопровождался острыми противоречиями. Резко усилилось неравенство в распределении национального дохода. Соотношение позитивных и негативных тенденций российского олигархического капитализма сохранилось и в начале XXI века. Социальные контрасты, деградация образования, науки, медицины, культуры усиливались. В массах нарастала ностальгия по социалистическому прошлому и наследию революции 1917 года.

Утверждения американской внешнеполитической монополии после 1991 г. фактически пресекло процесс социализации в странах либерального капитализма. Глобализация мировой экономики по американской модели углубила социальные контрасты как между богатыми и бедными странами, так и между "верхами" и "низами" в самих странах либерального капитализма. Альтернатива оформляется в массовом устремлении к социальной справедливости, отражённой в самых разных вариантах социализма. Оно неискоренимо в современном глобальном миропорядке, в котором один процент населения владеет таким же объёмом богатства, как остальные 99 процентов.

Список литературы

Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. 1789–2001 гг. / Общ. ред. и коммент.: Э.А. Иванян. Москва: Издательский дом "Стратегия", 2001. 526 с.

Москва – Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1941. Сборник документов в трёх томах / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Москва: Наука, 2009. Т. 3. 1933–1941.

Радищев А.Н. Полн. собр. соч. в трёх томах. Москва – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1938–1952.

Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. Москва: Весь Мир, 2015. 592 с.

Согрин В.В. Ф.Д. Рузвельт и СССР. 1933–1945. – США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 11. С. 67–86.

Ферро М. История Франции. Москва: Весь Мир, 2015. 832 с.

References

Encyclopedia of American History / Ed. Morris R.B. New York, 1976.

Ferro M. Istorija Francii. Moskva: Ves' Mir, 2015. 832 s. [Ferro M. History of France.]

Inauguraciiionnye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha. 1789–2001 gg. / Obshh. red. i kooment.: Je.A. Ivanjan. Moskva: Izdatel'skij dom "Strategija" [Inauguration Addresses of the Presidents of the United States From George Washington to George Bush. 1789–2001 / Ed. E.A. Ivanian].

Luce H. The American Century. New York, 1941.

Moskva – Vashington. Politika i diplomatija Kremlja, 1921–1941. Sbornik dokumentov v treh tomah / Otв. red. G.N. Sevost'janov. Moskva: Nauka. 2009. T. 3. 1933–1941. [Moscow – Washington. Politics and Diplomacy of Kremlin. Documents in Three Volumes / Ed. G.N. Sevostianov. Vol. 3. 1933–1941].

Palmer R.R. The Age of the Democratic Revolution. Political History of Europe and America. 1760–1800. Princeton. Vols. 1–2. 1959, 1970.

Radishchev A.N. Poln. sobr. soch. v treh tomah. Moskva – Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1938–1952. [Radishev A.N. Complete Works in Three Volumes].

Sogrin V.V. F.D. Ruzvel't i SSSR. 1933–1945. – SShA ❖ Kanada: jekonomika, politika, kul'tura. 2013. № 11. s. 67–86 [Sogrin V.V. F.D. Roosevelt and the USSR. 1933–1945].

Sogrin V.V. SShA v XX–XXI vekah. Liberalizm. Demokratija. Imperija. Moskva: Ves' Mir, 2015. 592 s. [Sogrin V.V. The USA in XX–XXI Centuries. Liberalism. Democracy. Empire].

Weinberg A.K. Manifest Destiny. Baltimore, 1935.

Wood G. The Idea of America. Norwalk (Conn.), 2011. 385 p.

1776 and 1917: American and Russian Revolutions in Global History

(USA ❖ Canada Journal, 2017, no. 9, p. 5-19)

Received 13.04.2017.

SOGRIN Vladimir Victorovich, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32-a, Leninskiy prosp., Moscow 119334, Russian Federation (amercenter@mail.ru).

The author considers in a comparative context historical importance of the American revolution of 1776 and of the Russian revolution of 1917. Values and influence of two revolutions, stages of competition, it's outcome and the perspective of historical heritage are analyzed. Both revolutions were characteristic of messianism. The rivalry between the liberal and communist revolutions were made with varying success and ended with the end of the cold war in favor of liberalism. But the influence of socialism is not exhausted. It is kept in Latin America, in Asia, in Russia itself. The main reason is the increase in the process of liberal capitalist globalization of social contrasts and inequality in the distribution of wealth between the minority and the majority of population of the world.

Keywords: *the revolution of 1776 in the United States, the Russian revolution of 1917, liberalism and socialism, historical rivalries.*

About the author:

SOGRIN Vladimir Victorovich, Doctor of Sciences (History), Professor of History; Chair, Center of North American Studies at the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Editor-in-chief, journal "Modern and Contemporary History"; Editor-in-chief, American Yearbook.